

НА ФРОНТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ожесточенные бои под Сталинградом

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 16 сентября. (Вест. фронт. «Правда»). Бои под Сталинградом стали исключительно ожесточенными и кровопролитными.

На скате безымянной высоты занимала позицию противотанковая батарея старшего лейтенанта Мельникова. Немцы не раз пытались овладеть этой выгодной позицией, чтобы оттуда нанести удар по нашей обороне. Артиллеристы знали цену этого рубежа и дрались за него, как львы. Многочисленные атаки немцев захлебывались.

Трудно встать противотанковой батарее против автоматчиков, но батареи держались на последних сил. Они должны были выстоять до тех пор, пока подойдет на этот рубеж наш пехотный батальон. Фашисты пытались опередить, сбить батарею до подхода батальона и овладеть высотой. Они бросали против батареи 12 танков и автоматчиков. Старший лейтенант Мельников распределял участки обороны. Другим орудиям он поручил отражать атаки танков бить броневыми ядрами, остальным — накрыть пехоту осколочными снарядами. Был тяжелый, атаки гитлеровцев яростны. Подступая к высоте авиалавками и пылью, падали ослепительные артиллерийские выстрелы из орудий, но те, кто оставался у орудий, долго отпалывали за смерть и раны своих друзей и стояли непоколебимо. Подняв на такую, они приостановили их движение, интенсивным огнем заставили замедлить продвижение. Атаки приостановились. Враги были вынуждены отступить. Подполковник батальон под прикрытием огня батареи успел развернуться и занять удобное положение.

Но добившись успеха на этом участке, противник повел наступление на соседнюю стрелковую часть. Враг обладал почти двойным численным превосходством. Наступавшую немецкую пехоту поддерживали танки и артиллерия, минометы и авиация. Все средства и силы нашей оборо-

ны были привлечены в действие. Артиллеристы и броневые машины, автоматчики и стрелки, минометчики и пулеметчики дрались сильно и метко. Первая волна атакующих была почти полностью истреблена. Горело 7 танков. На наши окопы катились новые темные, желтые фашистские волны, мчались танки. Навстречу им шел ослепительный вал. До конца дня здесь шла упорная борьба. Потеряв 16 танков, 1 броневик, 4 автомашины с боеприпасами, 10 3 рот пехоты, противник не продвинулся на этом участке ни на один шаг.

Не менее упорные бои происходят и в воздухе. С восхода и до захода солнца воздух гудит. Без перерыва небо бороздят бомбардировщики, штурмовики, истребители. Воздушные бои идут почти непрерывно. Часто приходится видеть, как в карусель влетает до двух-трех десятков истребителей. Короткие и длинные пушечные очереди разрезают воздух. Все больше слышится визг оббитых пламенем немецких «мессеров», все больше падает в последние часы дня дымчатые бомбардировщики.

Против немецких асов выходят в бой наши. Среди воздушных защитников Сталинграда с каждым днем растет слава советского аса — молодого летчика Гудыкина. На подступах к Сталинграду он сбил 16 немецких самолетов. Больших успехов добился и вся часть истребительной авиации.

20 немецких бомбардировщиков в сопровождении истребителей обрушились на наши передовые позиции. 8 самолетов под командой капитана Лашко вступили в бой с врагом. Смелой атакой капитан Лашко сбил один, затем второй самолет. Угнетенный примером своего командира, летчик доложил и увещивал летчиков сбить еще 5 самолетов.

Наступление немцев на город продолжается. Враг несет огромные потери, но продолжает рваться вперед.

В. КУПРИН, Д. АКУЛИШИН.

Действующая армия. Орудийный расчет под командованием старшего сержанта И. З. Ионовы ведет огонь по противнику.

УДАР С ВОЗДУХА

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 16 сентября. (Вест. фронт. «Правда»). Связной самолет прибыл в сумерках. Помощник начальника штаба победил встретить его, на ходу распечатывая пакет. Ночные бомбардировщики близкого действия тем временем выжидали на старте, и через несколько минут акция выстроилась, чтобы получить задание.

Командир части вышел к ним в комбинезоне и плаще с картой и с аэротехническим фонариком в руках.

— Сначала по поводу вчерашней работы, — сказал он. — Вылетев на задание, мы встретили низкое облако с осадками. Не было видно ни горизонта, ни земли. Лететь дальше — значило бы нарушить заданные условия полета. Большинство экипажей вернулось и поступило правильно. Посадку в сложных условиях с боями все совершили хорошо. Но экипажи Маслова и Гаврилова, встретив низкую облачность, продолжили полет. Они нарушили заданные условия полета.

Командир замечал и в упор посмотрел на молодого летчика Гаврилова, стоявшего в первом ряду. Тот потупил взгляд и переступил с ноги на ногу. Остальные, видимо, тоже испытывали неловкость. Командир продолжал:

— Все же вы не нашли цель и сбросили бомбы. За истинность в достижении цели, за проявление или искусство планирования объявляю экипажам т. Маслова и Гаврилова благодарность.

В перерывах пилотов и штурманов — заметное оживление. Командир переходит к второму заданию:

Наше войско ведет бой на окраинах Ржева. Противник оказывает упорное огневое сопротивление и позволяет пополнения. Нужно уничтожить его резервы на подходе к городу. Дать 15 минут на подготовку задания. Вылетать по готовности.

Мы вылетели с капитаном Мельниковым и штурманом старшим лейтенантом Семеновым. Почти беззвучно, потеряв отчетливо видимость, черта горизонта. Заполненный рукой от светящихся приборов, в кабине и от своего пламени выхлопной, можно было различить в темноте пятно лесов на буром фоне полей. Тут и там в черной глубине морщились огоньки автомобильных фар. Сигнальные ракеты на аэродроме взрывались и падали, описывая дуги у самой земли. Сильно колеблемые ветром, покачивались в вышине голубоватые столбы прожекторов. Во многих местах подмигивали, припадая к самой земле. Они служили маяками почтовым навигаторам, и шума чаши позже мы тоже нашли свой прожектор.

тор и вышли по нему к своему аэродрому. Самолет пересекает линию фронта. Немцы освещают свой передний край желтоватыми ракетами. Проходим над Ржевом.

Сейчас действия нашей авиации над Ржевом ограничены. Военный городок, аэродром, окраины города — в наших руках. Надо действовать осторожно, чтобы поразить вражеские укрепления точно и не задеть своих. Мы видим в городе отдельные очаги пожаров. Световая авиация догорает в воздухе и освещает цель самолетом, который «обрабатывает» находящиеся в Ржеве военные объекты противника. Минус город, оставив его справа, и лезем к своей цели.

Слева мы видим повсюду вали световой бомбы с парашютом. Ее повесил, как фонарь, над целью кто-то из илотов. Впереди нас товарищи. Мы видим, как встречают наших с земли. Из разных мест в чернильной темноте идут кверху разноцветные пучки трансформирующихся, проносятся трансформирующиеся снаряды.

Мы идем прямо на цель. Но раньше нас ее достигли машины т. Горелюкова, Белишева, Вильчевского, Казанцева и других. Уже не один, не два, а с полдюжины фонарей повисли над лесом, оврагом, проселочной дорогой. Все вокруг залито мертвенным светом магния. Кажется, будто из тьмы и неясности мы выходим в занятый ослепительными огнями зал, — так светло и ослепительно над нашей целью. Все видно на земле, как на ладони. Опущаясь, мы скопились враг, низина, поле, зарытое воронками, которые можно пересчитать все до одной. Кругом — очаги пожаров. Они только что вспыхнули, и ветер раздувает их светлые пламя. Другие горюют, как темные угли. Со снижением проходим мы по кругу среди устремленных кверху разрывов огня зенитных пулеметов. Видны разрывы бомб.

Не отрываясь, гляжу вниз и чуть было не упускаю момент, когда нужно дернуть находящуюся с моей стороны рукоятку, чтобы сбросить бомбы. Мотор выключен, самолет встречивает, когда отрываемся первая бомба. Вслед за ней еще несколько штук уходят вниз.

Чтобы проконтролировать действия своих экипажей, капитан Мельников делает один круг над целью. Он глядит по сторонам, поворачиваясь к нам в профиль, переведя губы. Но не поворачивает. Во всем командир действия своих пилотов или полетит какую-нибудь оплошность. Об этом мы узнаем завтра, когда случится ночь и летчики выстроятся у машин, чтобы получить новое боевое задание.

П. ЛИДОВ.

Перебежчик Андрей Овлетело рассказывает...

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 16 сентября. (По телеграфу). 9 сентября близ пункта Н. на Дону добровольно перешел на нашу сторону и сдался в плен Андрей Овлетело — солдат восьмой роты третьего батальона 54-го полка 7-го легкого венгерского корпуса. Овлетело — по национальности русский, родился в 1910 году в Саратовской области, работал в институте по изобретению напалмов.

Овлетело рассказывает, что он был мобилизован в армию 21 мая 1942 года. Состав его роты был весьма нестройным: там были и русские, и цыгане, и сербы, и румыны, и маляры. В первом взводе, в котором находился Овлетело, имелось семь русских. Все они еще во время формирования третьего батальона в Мукачеве сговорились при первом удобном случае сдаться в плен. «Правда, сфрейтор Мюллер боялся, что русские его, как фрейтора, расстреляют», но в конце концов он согласился.

«На первом же занятии мы попали 8 сентября», — показывает Овлетело. — На следующий день утром русские открыли сильный артиллерийский и минометный огонь. Десять человек из нашего взвода были ранены и контужены. Б. Обозов утонул, а затем возобновился с новой силой. Вдруг командир отделения крикнул: «Русские идут». Маляры начали умирать. Из семи русских нашего взвода один был уже убит, один контужен, двое находились в тылу. Оставшиеся — мы трое — спрятались в окоп и дождались русских.

Главная причина, побуждавшая нас сдаться в плен, — нежелание воевать за ненавистных нам немцев и маляров.

Овлетело подробно охарактеризовало положение в Венгрии, настроения солдат венгерских формирований, поведение немцев и венгров в оккупированных советских районах, несдержанность, разнузданный грабёж гитлеровской армии в советских селах и городах, погромы фашистских войск в боях с Красной Армией. Эти заявления представляли несомненный интерес и проливали свет на состояние венгерских войск и внутреннее положение вассала фашистской Германии.

НАСЕЛЕНИЕ ВЕНГРИИ ГОЛОДАЕТ

Сообщения перебежчика о внутреннем положении в Венгрии приобретают особую ценность в связи с тем, что до мобилизации Овлетело имел возможность постоянно знакомиться со статистическими материалами, собираемыми экономическими учреждениями страны. Эти данные, пополнившие непосредственные наблюдения, привели Овлетело к следующим выводам:

«В Венгрии очень плохо со съестными продуктами», — заявляет Овлетело. — Вся была холодно, дождливо. Много хлеба померзло. Кукуруза и картофель выжили и сильно погнили посевом. Почти весь прошлый урожай забрали немцы. Население Венгрии голодает. В мае этого года рабочих вывели на 200 граммов хлеба в день, а в конце июля нормы снизили до 100 граммов.

Сильно выросла цена. В июле 1941 г. центнер картофеля стоил 8 пенто, в июле этого года цена поднялась до 35—40 пенто. Центнер пшеницы стоил 18 пенто, теперь — 90—120 пенто. Сапоги и 1941 г. стоили 40 пенто, а теперь — 130. Рабочий костюм (куртка и брюки) стоит 150 пенто против 60 пенто в 1941 г. Это цены государственные, на рынке они неизмеримо выше.

Средний заработок чернорабочего за 15—16-часовой рабочий день на виноградарских (по статистическим данным) составлял 4—5 пенто, теперь он не превышает 4 пенто. Заработок других рабочих и всех служащих в этом году также остался на прежнем уровне или даже снизился.

Все это являло на настроение солдат. Уже в Мукачеве многие мобилизованные воли между собой разговоры о тяжёлом положении их семей. Офицеры говорили солдатам, что эти трудности — временные и надо скоро уходить. Однако на фронте мы получили письма, из которых узнали, что положение наших семей еще более ухудшилось.

Солдаты искали случая, чтобы улизнуть от посылки на фронт. В нашей роте еще в Мукачеве было шесть случаев самоубийств. Трое солдат, не желавших воевать, покончили с собой, бросившись с высокой стены здания князя Коротавича близ Мукачева. Их место и случай дезертирства солдат.

Офицеры нам говорили, что мы едем выполнять почетную службу. Русские якобы — безбожники и грабители; они унизали и разграбили храмы, надругались над женщинами, неспособны справиться со своими богатствами. Эти рассказы угрожают Венгрии. «В ваших руках охрана ваших земель, перья и хлеба», — говорили солдатам офицеры. — Вместе с Германией и другими союзными державами мы восстановим в России порядок. Там, где сейчас обрабатывается лишь 8% земли, а 92% не обрабатывается, — будет обрабатываться вся земля.

Примерно половина солдат верила этим сказкам офицеров, а у остальных части все это вызвало усмешку. Однако неизвестная богатая страна маняла к себе, и многие солдаты охотно ехали в Россию работать. Но уже в Польше мы увидели, какие «порядки» хотят установить в России немцы и маляры. А то, что я увидел в России, — трудно себе даже представить.

«НЕМЦЫ ЗАБРАЛИ У РУССКИХ КРЕСТЬЯН ВСЕ»

Высоко с другими солдатами своего батальона Овлетело пробыл почти два месяца на территории оккупированных советских районов. Он рисует чудовищную картину разграбления советских сел и городов немцами и венгарами, рассказывает о беспримерных насилиях гитлеровцев и их союзников над мирными советскими людьми.

«Немцы забрали у русских крестьян все», — показывает Овлетело: — хлеб, коров, овец, кур, пчел. Крестьяне мне рассказывали, что они питаются травой.

Правда, кое-где немцы оставили часть скота в пользование крестьян. Но в этих немногих селах завелся такой порядок: каждый день крестьяне должны сдавать немцам определенное количество молока, масла, яиц и других продуктов.

«Гитлеровцы эти очень высокие», — говорит Овлетело. — Часто крестьянин, чтобы выполнить задание, берет у соседа займы яйца или литро молока. Если задание не выполняется, немцы бьют крестьян или расстреливают.

Вообще русских убивают во всяком походе. В городе Тиме я зашел в один дом, чтобы достать молока. Хозяйка мне рассказала следующее: «Немцы потребовали сдать все радиоприемники. Наш сосед, оказывается, имел приемник и не сдал. Когда немцы пришли его арестовать, он спрыгнул. Тогда немцы забрали моего мужа и расстреляли, обвинив его в том, что он не донес властям на соседа. Между тем никто из нас не знал, что у соседа был приемник». Вдова рассказывала это мне и плакала. На ее иждивении остались глухой 80-летний отец и пятеро детей.

От Курска до Дона мы шли пешком. Когда батальон останавливался в деревне на ночлег, командование предупреждало старосту: если будет убит хоть один солдат, то вся деревня вместе с жителями будет уничтожена. Такие предупреждения командир нашего батальона полковник Мухоморов давал на основании приказа немецкого командования. Это не было пустой угрозой. Между городом Курск и деревней Сыртовкой (на Дону) я видел шесть сожженных деревень. Их сожгли вместе с жителями за то, что там было убито по несколько немецких солдат. Кто их убивал — неизвестно. Но немцы заявляли, что этих солдат убили партизаны, а жители якобы укрывают партизана.

Расправа производилась безжалостно. Села без предупреждения оккупировали автоматчиками и поджигались с разных сторон. Тех, кто пытался уйти, расстреливали. Вместе с домами сжигали всех жителей — молодых и старых, все живое и все имущество. Такие сожженные деревни я видел в разных местах: одна из них находилась в долине, не доходя 10 км. до Старого Оскола, другая — по пути из Острогожска в Сыртовку.

Проходящие части до пяти габит крестьян. Во время перехода к Дону наша хозяйственная команда где-то отстала. Мы кормились тем, что удавалось собрать у крестьян. 3 августа, по прибытии в Сыртовку, командир батальона приказал забрать у жителей все, что необходимо для питания. Солдаты брали во дворах пшеницу, кур, поросят, овец, коров. Крестьяне начали резать скот, чтобы сохранить себе мясо. Тогда командир батальона приказал согнать весь скот в одно место и поставить возле него охрону. Солдаты доили коров, резали овец; для офицеров готовили масло.

Чем жлобит и как питаются крестьяне — это никого не интересовало. Кто-то из местных жителей пожаловался на произвол. Тогда командир батальона распорядился выселить всех жителей из деревни. Это было сделано 5 августа. Крестьянам запретили брать с собой что бы то ни было. Все их вещи, все продукты остались в деревне. Люди ушли в том, что было на них надето. Еще не успели жители отойти от своих изб, как солдаты бросились грабить. Забирали все, даже детское белье, дамские чулки, — все, что только было, что попадалось под руку. Кто видел этот грабёж, это горе беззастенчивых людей, — тот знает, что за «порядок» несут немцы и венгры. Ограбленные люди вышли за околицу и направлялись в соседнее село Сергеевское. Это был плачущий караван детей, женщин и стариков.

БОЛЬШИЕ ПОТЕРИ ВЕНГЕРСКИХ ВОЙСК

Под ударами Красной Армии венгерские войска несут крупные потери. На примере своего батальона Овлетело показывает урон, который понесли венгры в боях на этом участке фронта. «За один только день 30 августа седьмая рота нашего батальона потеряла 69 человек, девятая рота — 46 человек, рота станковых пулеметов — 47 человек. Наша рота в этот день находилась во втором эшелоне.

Полный состав нашего батальона — 1.180 человек, из них 160 человек находилось на тыловых службах. За десять дней боев, с 30 августа по 9 сентября, батальон потерял в боях с русскими 450 человек. Цифры эти являются абсолютно точными, так как мы пришлось помогать ротным писарям в составлении сводок».

Большие потери сильно влияют на моральное состояние солдат. «Когда мы выехали из Мукачева», — вспоминает Овлетело, — в дороге были слышны песни, солдаты и офицеры шли в ногу, веселились. Настоящей войны никто не видел. Едва мы перешли границу, как солдаты начали говорить, что Россия — богатая страна и здесь можно будет быстро разбогатеть. Принимая грабёж как у немцев, так и у маляров находились в крови. Маляры разграбили Прикарпатскую Русь и были намерены пожинать и в России. Но здесь это сделать не так просто. В России мы сразу услышали о партизанах. Между Смоленском и Курском партизаны организовали крупное восстание с итальянскими солдатами, который шел вперед нас. Было разбито 15—16 вагонов. Мы видели много убитых и раненых.

Следовавший за нами поезд также попал на мину, заложённую партизанами. Было разбито 2 вагона. После этого малярыские солдаты притихли. По мере приближения к фронту настроение падало. В последнее время только и было слышно: «Господи, сохрани мне жизнь». Солдаты по целым дням молчали, сидя в окопах.

Многие солдаты не хотят воевать, но сдаться в плен боятся, так как офицеры распространяют слух, что русские будут их мучить и расстреливать. Если бы меня послали обратно в нашу роту, то я ругался, что пришел бы в плен почти всех солдат.

Я убежден, что Гитлер воюет не только против русских. Он воюет против всех славян, желающих истребить».

СБИТО 4, ПОДБИТО 2 НЕМЕЦКИХ САМОЛЕТА

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 16 сентября. (Вест. фронт. «Правда»). Группа вражеских самолетов — 10 бомбардировщиков и 5 истребителей — покарывалась к железнодорожному эшелону с важным грузом. Во-первых заметив их, десятки наших истребителей поднялись в воздух и атаковали немцев. Первым вступил в бой с шестью самолетами командир эскадрильи капитан Абрамчук. Метким пушечным и пулеметным огнем он сбил один за другим два вражеских самолета. Рядом с ним сражался лейтенант Ушаков. Спасаясь от преследования, фашистский летчик старался удрать в облака, но Ушаков настиг его и с дистанции 300—400 метров от-

крыл огонь. Правый мотор фашистского бомбардировщика задымился, и он резко пошел на снижение.

Искусно действовал старший лейтенант Охотников. Он очереду атаковал четыре самолета противника, один из них ему удалось подбить. Остальные увернулись от подбоя и скрылись в облаках. Один самолет противника сбил сержант Ковальский.

В результате воздушного боя самолеты противника были рассеяны и до цели не допущены. Наши летчики сбили 4 вражеских бомбардировщика и 2 подбили.

У. КУКОВИН.

АН. ТАРАСЕНКОВ

О НЕНАВИСТИ

Что такое ненависть сила! Этой страшной силой нет преград. Ненависть вела и говорила: — «Не сдавайся, Ленинград!»

И скляно встал великий город. — Никогда фашистам не пройти! Небось над ним огнем распорот, Перерезаны пути.

Но у нем тогда мексилли слезы: — «Кралево, силные ненавиди! Им голодной пыткой, им морозом, Им бомбежкой не сломить!»

Ненависть вела и побеждала, Двигала турбины корабля, На заводах плавила металлы И стояла у руля.

В скромном покое она раскрыла Снайпера силовую и талант.

Это наша ненависть ходила С морщинами на деснат.

Это ненависть вела и пала Летчиком о славе боевой, Пошла на локте дело Парня с русской головой:

— «Ты не бойся, мой моряк балтийский, Тайною тропой проведу, Уберу с дороги камень скликий, Злую путью отведу».

В главном горе поднят зениток Слышу голос ненависти я, На бомбардировщике звенит он, Волю к подвигу таит.

Говорит моряк: «Всего дороже Моей врагу. А не пропаду! Ненависть, — знача в бой без дрожи, В смертный бой иду!»

Краснознаменный Балтийский флот.

А. СЕРАФИМОВИЧ

РЕБЕНОК

Мы проезжали железнодорожный мост через реку Илову. У нас был гринландский выхолод: тысячи эвакуируемых из детдомов работ и около трехсот красноармейцев.

Солнце невысоко стояло над голой степью. По вагонам собирались затравить. Раздались смелые выкрики. Потом еще и еще. Поезд остановился. Дети, крича, как горох, посыпались из вагонов. Дальше мы выжидали красноармейцев. Все залегли по степи.

Белый туман зловеще стался над железнодорожным мостом. Пятидесятые вражеских самолетов трогали мост. Заговорили наши зенитки. Обработавшая шпательная лаза с высоты трех-четырёх километров. Попадись ей — намерит уложить.

Я старался отбегать возможно дальше от вагонов, по крышам которых тархатела свиставшая шарнир. Маленькая девочка — пяти с половиной лет, лангун головенку, крепко держась за мою руку, торопилась мелькая бочками пожаками. На ней были только трусики. Выскочил из вагонов в чем были.

Мы прижались к земле. Взрыв песчанной силы потряс всю степь. Было секундное ослепление, но вывернуло гулы. Если бы стояла, нас бы с силой уарило о землю воздушной волной. Громом пронизала через реку, зловеще крутятся, волнисто-дымчатый вал. Моста в нем не было больше. Лежащий недалеко красноармеец поднял голову, посмотрел на белый вал и сказал:

— Не иначе как больше тонны бомбы, лейтенантской силы. Вот как салону! Зенитки били. Большинство стервятников кинулись в сторону и вверх и улетели. Штук пять бросились на крыши рабочих поселков, и там спешно стали взрываться бомбы. Черные густые клубы дыма все застилали, и огненные языки, прорезывая, вырывались вверх. Улетели и эти. Только один, черной дыма, штурмовик полел кинул.

— По ва-го-нам!

Вся степь зашевелилась, быстро потекла с ашелоу. Я тоже бежал, крепко держа за руку Светлану. Она, нагнув головенку, из-за детских сил мотыла бочками пожаками. Добежали до полотна. Поезд был уже полным ходом. Поднялись вали и пропал. Кругом пустая степь. Мы одни.

Слишком далеко забежали от эшелона. Черный дым густо клубился над поселком, разрастался, и огненные языки все чаще высовывались, пожирая крытые соломою избушки.

Делать нечего. Мы пешком пошли по полю на другую станцию, расположившуюся в 11 километрах. В Илове бушевал пожар, и было не до нас. Нестерпимым зноем дышал песок. Мучительно бастелил рельсы. Вдруг Светлана села на облегающий песок, и крупные, как дождевые капли, слезы прозрачно повисли на ее вытутых ресницах. Она зарыдала, смачивая мою руку горячими слезами.

— Что ты, что с тобой?

— Он глядит по головке, вытирает слезы и сопли, а она плакала навзрыд.

— Да что с тобой?

Сквозь рыдания она едва выговорила:

— У нее головы нету...

— У кого, дружок мой?

— У нее, у девочки...

— Поезд, что ты, где?

— Когда бомбили, знаешь, на Меленитов мост? Дети потом, как улетели немцы, побежали смотреть, и я побежала. Мост крепко стоит, а где ждали рабочие, все сгорело. А деткиши в проулке играли, а немцы бросили на них бомбы. А у девочки полетели руки, ноги, а у одной девочки нет головы. А мама ее прибежала, упала, обняла ее, а голов не было. Она плакала, вырвалась, упала на нее, а у нее только шея, а головы нету. А другие мамы искали от своих детей руки, ноги, кусочки платочка.

Она перестала плакать. Вытерла тыльной частью руки слезы и сказала:

— Дедушка, я кушать хочу.

— Милый мой, за у меня ничего нету. Давай пройдем скорее, может, на станции будет есть, что-нибудь достаем.

Мы торопились шаг, и она опять селась бочками пожаками, нагнув в напряжении головку. Зной задала степь. Показались развалы. Одинаять километров прошли. Несколько красноармейцев с винтовками, смывавших с поста, сидели в тени. Светлана с искаженным лицом вся затрепетала от ужаса, схватилась за красноармейца и обняла его и винтовку:

— Он опять, он опять!

— Где ты видишь? Небо чистое.

— Я слышу гу-у-у... Гу-у-у...

Да, он летел очень высоко, вероятно, разведчик, посмотреть — что с мостом. Она верно передавала тот мертвенно траурный волнообразный звук, который гудит тяжело летит за собой. Чтобы как-нибудь ее успокоить, я повторил:

— Да нет же, никакого нет. Небо чистое.

— Фу ты! Ты, дедушка, глупой. Ты, дедушка, не видишь, мне говорить неправду, а сам обманываешь. Он летит, чтобы сбросить на этот домик бомбу, и у меня головы не будет.

Она неустойчиво рыдала.

— Вот пожар, деткиши бастелиются...

Красноармеец глядел ее головку, и она заснула, все так же обняв красноармейца и винтовку, по-детски жалобно всхлиывая по спине. Красноармеец было неуживо сидеть, но он не шевелился, чтобы не потревожить ребенка. Тени стали короче. Красноармейцы, согнувшись, сидели молча, держа винтовки между колен. Постарше — у него на висках уже пробивалась седина — сказал:

— Вот что странно: мы начинаем привыкать, ко всему привыкать, дескать, война, и что ребята валиются, тоже, мол, война.

— Ну, к этому не привыкнешь.

— То-то не привыкнешь... Думаешь, только те дети несчастны, что в крови валиются? Нет, брат, немецкие зверюги ранили все вышнее поколение, ранили в душу, у них в сердце рана. Поминаешь ты, все эти немцы вместе с Гитлером сплели в черную, и все. А у деткиши наших, у этого поколения рана останется.

— Ну так что же делать-то?